

«ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня среди специалистов в области гуманитарных наук широко распространена концепция кризиса культуры, вызванного тенденциями развития западной цивилизации конца XX – начала XXI веков, последствиями глобализации, технократизации общества и пр. Среди множества аспектов этого кризиса налицо и кризис европейской книжной культуры, а также сформированных ею традиций чтения. Вслед за философами-постмодернистами, констатировавшими «смерть автора», современные мыслители констатируют и «смерть читателя».

Тезис о «смерти читателя» вызывает потребность в исследовании этого феномена. Одну из таких попыток предпринял французский историк Роже Шартье, утверждающий, что материальная форма, в которую облечен текст, непосредственным образом влияет на формирование типа читателя. Четыре революции в истории чтения, выделенные Шартье, были связаны с изменениями материальной формы текста. Первая – само возникновение письменности. Вторая (II – IV вв. н.э.) – переход от древнегреческого свитка

к книге-кодексу, т.е. книге, состоящей из сложенных, сфальцованных и переплетенных листов (эту форму до сих пор сохраняет бумажная книга). Третья – изобретение в XV в. печатного станка (в терминологии Маршала Маклюэна – становление «галактики Гуттенберга»).

Сегодня мы являемся свидетелями четвертой, «электронной», революции, которая заменила бумажную книгу текстом на компьютерном дисплее. Ее последствия значительны, поскольку «она заставляет современного читателя сознательно или бессознательно отказаться от того наследия, на основе которого он сложился как читатель» [4, с. 218].

От какого наследия отказывается читатель постгуттенберговой эпохи? Во-первых, от текста, как поступательно разворачивающегося события, от постепенного, медленного чтения. Сама материальная форма бумажной книги дает представление о ее жанре, объеме. В сети же нет визуального представления о книге. Навигация по сети делает сетевое чтение дробным, прерывистым, фрагментарным (не случайно так популярны сегодня всевозможные электронные энциклопедии).

Во-вторых, меняется способ организации научного дискурса: традиционно установившиеся конвенциональные отношения доверия между автором и читателем (примечание, библиографическая справка и цитата) заменяются системой гиперссылок, благодаря которой читатель получает возможность проверить все сразу.

В-третьих, в сети размывается граница между автором и читателем. Цифровой текст предполагает вмешательство читателя в авторское слово – отсюда столь остро стоящая сегодня проблема авторских прав.

В-четвертых, в электронном виде рядом с текстом могут быть помещены фото, комментарии, реклама, меняющие восприятие текста. Открывая несколько окон одновременно, читатель смешивает жанры, виды текстов, приобщаясь тем самым к «мозаичному» типу культуры (в терминологии А. Моля). Кроме того, колоссальный рост числа текстов в Интернете читатель просто не способен освоить физически.

Таким образом, электронная революция разрушает все привычные установки, которые характерны для читателя, сформированного «галактикой Гуттенберга».

Важной характеристикой современного читателя является также присутствующий ему новый тип сознания и мышления, сформированный СМИ, который ученые называют *клиповым сознанием*.

В современную философию сам термин «клиповое сознание» пришел благодаря Ф.И. Гиренку, который противопоставил клиповое сознание (клиповое мышление) мышлению понятийному, линейному, сформированному классической философией: «... клип отменяет сознание, создавая клиповое

сознание, которое реагирует только на удар» [2, с. 123]. Клиповое сознание, воспринимающее мир как мозаику разрозненных явлений, – бесспорно плод современной «мозаичной» культуры.

Достоинством клипового сознания можно считать большую скорость обработки информации, умение быстро переключаться с одного канала информации на другой. Но его обратной стороной является *неспособность к восприятию длительной линейной последовательности*, в том числе *книжного текста*. Современная техногенная эпоха отдает предпочтение коротким фразам (как в SMS-сообщениях, рекламе, комиксах и др.). У человека с клиповым сознанием снижена способность к анализу, установлению причинно-следственных связей. Клиповое сознание рассматривает текст как инструкцию, из которой нужно извлечь информацию, необходимую для решения конкретного вопроса.

Бесспорно, формирование клипового сознания не может не оказывать влияния на систему образования, и в первую очередь, на образование гуманитарное. Сегодня школьные учителя говорят о неспособности учеников читать тексты классической литературы, писать изложения, делать устные сообщения. Но оценка роли клипового сознания разными учеными неоднозначна. Так, российский культуролог и журналист К. Фрумкин считает, что бороться с клиповым сознанием бесполезно, нужно лишь приспособить его для учебного процесса (например, раскрашивание разноцветными маркерами поэтического текста может стать продуктивным методом анализа произведения). «Развитие цивилизации явно предполагает необратимый сдвиг <...> в пользу умения перескочить. И бороться с клиповым мышлением – не значит ли приспособлять учеников не к реальности, а к системе образования, закрепляя разрыв этих систем, отрыв учащихся и школы от господствующего образа жизни» [3]. Если встать на такую позицию, то придется согласиться с тезисами о «конце литературы», «конце философии» – о конце тех феноменов духовной культуры, которые основаны на чтении и интерпретации линейного текста.

Очевидно, что изменения, которые происходят в культуре, отразились и на облике читателя художественной литературы, который *перестает быть субъектом чтения как творческой деятельности*. В статье «Чтение как труд и творчество» В.Ф. Асмус писал: «Содержание художественного произведения не переходит – как вода, переливающаяся из кувшина в другой, – из произведения в голову читателя. Оно воспроизводится, воссоздается самим читателем – по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной, духовной деятельностью читателя» [1, с. 62]. Для восприятия художественного текста важна «духовная биография читателя», его культурный багаж. Разница таких био-

графий задает и разницу понимания текста: «... два читателя перед одним и тем же произведением – все равно, что два моряка, забрасывающие каждый свой лот в море. Каждый достигнет глубины не дальше длины лота» [1, с. 63].

Длину лота современного читателя во многом определяет массовая культура (Толстой и Достоевский заменяются Гарри Поттером, женскими романами, детективами и пр.). Кроме того, в современной массовой культуре пропагандируется эстетика гедонизма, формирующая отношение к жизни как к перманентному физическому удовольствию, в рамках которой чтение как труд заменяется чтением как развлечением.

Все эти тенденции требуют серьезного осмысления и поиска новых подходов к организации гуманитарного образования, которое во многом формирует современного «человека читающего» .

Литература:

1. *Асмус, В.Ф.* Чтение как труд и творчество // Вопросы теории и истории эстетики / В.Ф. Асмус. – М.: Искусство, 1968. – С. 55-68.
2. *Гиренок, Ф.И.* Метафизика пата (косноязычие усталого человека) / Ф.И. Гиренок – М.: Лабиринт, 1995. – 201 с.
3. *Фрумкин, К.* Клиповое мышление и судьба линейного текста / К. Фрумкин // Философский сайт «Концепция двух предложений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pouunivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm. – Дата доступа: 26.10.2011.
4. *Шартье, Р.* Письменная культура и общество / пер. с фр. и послесл. И.К. Стаф / Р.Шартье. – М.: Новое издательство, 2006. – 272 с.